

Он потянулся к ней, намереваясь схватить, и Лин Цинфэн от ужаса вскрикнула. Услышав крик, из главного зала вышел Цзян Кай. Лин Цинфэн, не обращая внимания на свой растрепанный вид, бросилась наутек. Если бы она до сих пор не поняла, чем именно здесь промышляют, то все её годы учебы прошли бы даром.

К счастью, Лин Цинфэн, хоть и была пухленькой, все же уступала Цзян Каю в габаритах. Протиснувшись сквозь толпу гостей в холле и ловко увернувшись от протянутых сзади лап преследователя, она в панике выскочила на улицу.

Всю дорогу в округе раздавался лай собак. Лин Цинфэн не смела оглядываться, она лишь копила силы и бежала вперед, а Цзян Кай неотступно следовал по пятам. Она потеряла ориентацию в пространстве, не разбирая дороги, но Цзян Кай был взрослым мужчиной, и оторваться от него было не так-то просто. Делать было нечего, и Лин Цинфэн рванула в сторону заводской зоны: она надеялась, что там кто-нибудь работает сверхурочно и сможет ей помочь. Иначе в этих пустынных местах её ждала верная гибель.

Небо смилоствилось: Лин Цинфэн увидела завод Люкунь, куда сегодня днем приходила искать работу. Собрав последние силы, она бросилась к проходной, на ходу взывая о помощи. В будке сидели двое мужчин, и один из них оказался тем самым дядькой, который советовал ей идти на юг.

Задыхаясь, Лин Цинфэн прохрипела:

— Дяденька, спасите меня! За мной гонятся!

Мужчина испугался не на шутку. Приглядевшись, он узнал ту самую пухленькую девчонку, что приходила днем.

— Это ведь ты, та девочка, что искала работу? Что с тобой случилось? — встревоженно спросил он.

Лин Цинфэн, бледная как полотно, ответила:

— Дяденька, я послушалась вас и пошла на юг. Увидела парикмахерскую, зашла спросить о работе, а она оказалась притоном. Они стали принуждать меня к... я не согласилась и сбежала в суматохе. Умоляю, спасите меня, мне так страшно!

Лин Цинфэн едва сдерживала рыдания, глядя на охранника полными слез глазами. У мужчины разыгралось чувство ответственности.

— Не бойся, я помогу тебе, — принялся он её успокаивать. — Виноват, не объяснил толком, что это район «красных фонарей».

Лин Цинфэн немного успокоилась, но тут её сердце снова забило в бешеном ритме: снаружи раздались яростные крики Цзян Кая.

— Куда ты спрятал девочку?! Выдавай её, или я заявлю на тебя за похищение человека! — Цзян Кай, уперев руки в бока, свирепо орал на проходную. Лин Цинфэн присела на пол, дрожа от страха.

Охранник невозмутимо ответил:

— Похищение? По-моему, это ты здесь работорговец. Девочка — моя дальняя родственница, это я отправил её искать подработку в жилой зоне. Кто же знал, что она попадет в этот гадюшник и едва выберется живой! Я как раз ломал голову, что сказать её родителям, а ты как нельзя кстати — сейчас я тебя скручу и сдам властям, будет чем перед ними оправдаться!

Цзян Кай усмехнулся:

— Ты даже имени её не знаешь, а уже называешь родственницей. Так я могу подойти к твоей жене, крикнуть что угодно, и она сразу станет моей, так, что ли?

Его наглые насмешки довели мужчину до белого каления. Он схватил электрошокер, готовый броситься в драку. Второй охранник вовремя удержал коллегу, призывая к спокойствию. Увидев, что охранники не выходят, Цзян Кай решил, что они его испугались, и начал с размаху пинать двери и окна, пытаясь вытащить Лин Цинфэн. Однако он не знал, что дядька уже вызвал по рации подкрепление. Когда Цзян Кай понял, что его окружили, было уже поздно. Несмотря на грубую силу, он не мог тягаться с группой тренированных секьюрити: пара приемов, и его заперли в подсобке.

Только теперь Лин Цинфэн по-настоящему выдохнула. Как только напряжение спало, она вспомнила о матери и возненавидела себя за глупость и безрассудство, которые привели к таким испытаниям. Поблагодарив охранников, она попросила телефон и набрала номер матери.

Мать Лин Цинфэн в это время ехала в автобусе, выходя на каждой остановке в надежде найти дочь. С каждой новой точкой надежды становилось всё меньше, и вдруг зазвонил телефон. Почувствовав, что это может быть весть от Цинфэн, она тут же ответила. В трубке раздалось всхлипывающее: «Мама». Это был голос, которого она ждала весь день.

— Цинфэн, это ты? Это правда ты? — спросила мать, словно во сне.

— Да, мама, это я. Я больше никогда не буду с тобой ссориться и убегать, — прошептала Лин Цинфэн, захлебываясь слезами.

Мать хотела было отчитать дочь, но страх снова потерять её пересилил всё. Тысячи слов слились в один крик души:

— Доченька, ты моя жизнь! Ты моя жизнь! Больше никогда так не делай, слышишь? Это всё моя вина, я больше не буду на тебя кричать, умоляю, возвращайся!

Мать и дочь долго плакали в трубку. Наконец, успокоившись, Лин Цинфэн сказала, что находится на заводе Люкунь в западном пригороде, и попросила мать приехать за ней. Пока мать была в пути, Лин Цинфэн позвонила в полицию и сообщила о борделе в южной части пригорода.

Когда полиция нагрянула в парикмахерскую, Ван Минмин и остальные продолжали работать как ни в чем не бывало. Цзян Кай долго не возвращался, но все думали, что он просто уединился с девчонкой. Чжоу и Ван Линь продолжали принимать клиентов, и только хозяйка Ван Минмин с помрачневшим лицом встречала очередь у входа. Чжоу и Ван Линь застали врасплох прямо в постелях. Полицейская машина заехала на завод, чтобы забрать Цзян Кая, и в этот момент подъехала мать Лин Цинфэн. Увидев дочь, она от облегчения едва не упала в обморок.

Лин Цинфэн бросилась к матери и, уткнувшись ей в объятия, разрыдалась. Пережитое за этот день казалось им обоим целой вечностью.

Подул ветер, и Лин Цинфэн вздрогнула: только сейчас она осознала, что все это время была в мокрой майке и чудом избежала смерти. Как потерпевшая и свидетельница, она отправилась в участок для дачи показаний, мать поехала с ней. Всю дорогу мать крепко сжимала руку дочери, боясь отпустить её хоть на мгновение.

Допрос закончился глубокой ночью. Вернувшись домой и увидев Фан Фан, спящую на диване в самой нелепой позе, Лин Цинфэн внезапно почувствовала прилив тепла — наверное, так ощущается радость выжившего.

Она приняла горячий душ, а одежду, в которой была, скомкала и выбросила в мусорное ведро. На столе её ждала миска горячей лапши с яйцом. Лин Цинфэн послушно ела, и глаза её наполнились слезами: стоило моргнуть, как крупные капли падали прямо в бульон. Мать гладила её по голове, глядя, как дочь ест маленькими глотками, и чувствовала себя бесконечно счастливой. Вдруг Лин Цинфэн подняла голову, улыбнулась сквозь слезы и сказала:

— Мам, лапша сегодня такая соленая! Ты что, слезы туда добавила?

<http://bllate.org/book/21753/2249220>